

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

ИГОРЯ, СЫНА СВАТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛГОВА

Не лѣпо ли ны вѣшетъ, братіе,
начяти старыи словесы
трудныхъ повѣстій о пълкѣ Игоревѣ,
Игоря Святъславича!
начати же ся тѣи пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышленію Бояню.
Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшетъ бо речъ
първыхъ временъ ѱовіцѣ;
тогда пущашетъ ї соколовъ на стадо лебедѣй,
который дотечаше,
та преди пѣсь пояше,
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими,
красному Романови Святъславичю.
Боянъ же, братіе, не ї соколовъ
на стадо лебедѣй пущаше,
нъ своя вѣщія прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію
отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря;
иже истягну умъ крѣпостію своею,
и поостри сердца своего мужествомъ,
наплънився ратнаго дѣха,
наведе своя храбрыя пълкы
на землю Половѣцькѣю
за землю Руськѣю.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце
и сидѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты,
и рече Игорь къ дружинѣ своей:
братіе и дружино!
луче жъ бы потятү быти,
неже полоненү быти:
а всядемъ, братіе,
на свои брѣзья колонн,
да позримъ синего Дону.
Спалъ князю үмь похоти,
и жалость ему знаменіе заступн,
искусити Дону великаго.
Хошү бо, рече, копіе приломити
конецъ поля половецкаго
съ вами Русьци, хошү главү свою приложити,
а любо испити шелоомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени!
абы ты сїя плѣкы үщекоталъ,
скача славїю по мысленү древү,
летая үмомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рищя въ тропү Трояню
чресъ поля на горы.
Пѣти было пѣсь Игоревн,
того внүкү.
Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая
галици стады вѣжать
къ дону великомү.
Чи ли вѣспѣти было
вѣщей Бояне,
Белесовъ внүче!
Колони ржүть за сүлою
звенить слава въ Киевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградѣ;

стоять стязи въ Пүтквлѣ;

Игорь ждѣтъ мила брата Всеволода.
И рече ему Буй Түръ Всеволодъ:
Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлын
ты Игорю,
оба есвѣ Святъславичя!
Седлай, брате,
свои брѣзыи колони,
а мои ти готови,
осѣдлани ү Күрьска напереди;
а мои ти Күряни свѣдоми кѣмети;
подъ трүбами повити,
подъ шеломи възлелѣяни,
конецъ копія въскрѣмлени,
пүти нмѣ вѣдоми,
ярүгы нмѣ знаемы,
лүци ү нихъ напряжени,
түли отворени,
сабли изъострени,
сами скачють акы сѣрыи влѣци въ полѣ,
ищүчи себе чти, а князю славѣ.

Тогда вѣстүпи Игорь князь въ златъ стремень,
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тьмою пүть застүпаше;
нощъ стонүщи ему грозою птичь үбүди;
свистъ звѣринъ вѣста
зби дивъ кличѣтъ врѣхү древа,
велитъ послушати земли незнаемѣ,
влѣзѣ и по морію и по сүлію и сүрожү и Корсүню,
и тебѣ тьмүтораканьскый блѣванъ.
А Половци неготовали дорогами
повѣгоша къ Дону Великому;
крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци лебеди роспүщени.

Игорь къ Дону вон ведеть
уже во бѣды его пасеть птиць по дубию
вльци грозѹ въсрожатъ по яругамъ;
орли клетомъ на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ на чръленыя щиты.
О руская земле! уже за Шеломянемъ еси.

Длѣго ночь мркнетъ,
заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла,
щекотъ славіи успе,
говоръ галичъ убуди.
Русичи великая поля чръленыи щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя;
и рассушысь стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвки половецкыя,
а съ ними золото и паволокы и драгыя оксамнты
орьтълами и япончицами и кожухы

начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми үзоротыи Половѣцкыи.
Чръленъ стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрълена толка,
сребрено стружѣе
храброму Святъславичю.

Дремлетъ въ полѣ Ольгоко хороброе гнѣздо
далече залетѣло
не было нъ обидѣ порождено,
ни соколѹ ни кречетѹ,
ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине!

Гзакъ вѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ
Кончакъ ему слѣдъ править къ Донѹ великомѹ.

Другаго дни велии рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ
чръныя тучя съ моря идутъ
хотятъ прикрыти д̄ солнца
а въ нихъ трепещутъ синїи мльнїи
быти грому великомѹ
итти дождю стрѣлами съ Донѹ великаго
тѹ ся копїемъ приламати
тѹ ся саблямъ потрѹчяти
о шеломаы половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
ѹ Донѹ великаго.

О руская земля, ѹже не Шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внѹци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плѣкы Игоревы.
земля тѹтнетъ,
рѣкы мѹтно текѹтъ,
пороси поля прикрывають,
стязи глаголютъ:
Половци идутъ отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ.
Рускыя плѣкы отступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрїи Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ тѹре Всеволодѣ!
стоиши на борони,
прыщещи на кон стрѣлами,
гремлещи о шеломаы мечи харалѹжными.
Камо Тѹръ поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,

тамъ лежатъ поганыя головы половецкыя,
поскепаны саблями калеными шеломи пварьскыя,
отъ тебе Ярѣ Түре Всеволоде!

Кая раны дорога, братіе, забывъ ти и живота,
и града Чрънигова, отня злата стола,
и своя милыя хоти красныя Глѣбовны
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минѹла лѣта Ярославля,
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолю коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.

Стѹпаеть въ златъ стремень въ градѣ Тымѹтороканѣ
тоже звонѣ слыша давный великый Ярославъ
сынѣ Всеволожь, а Владимирѣ
по вся ѹтра ѹши закладаше въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславличя слава на сѹдѣ приведе,
и на канинѹ зеленѹ паполонѹ постла,
за обиду Олговѹ
храбра и млада князя.

Сѣ тоя же Каялы Святюплѣкъ повелѣ яти отца своего
междю ѹгорьскимъ иноходьцы
ко святѣй Софїи къ Кїевѹ.

Тогда при Олзѣ Гориславличи
сѣяшеться и растяшеть ѹсобицями,
погибашеть жизнь Даждьбожа внѹка,
въ княжихъ крамолахъ вѣци челювѣкомъ скратишась.

Тогда по рѹской земли рѣтко ратаевѣ кикахѹть:
нѣ часто врани граяхѹть,
трупїа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхѹть,
хотять полетѣти на ѹедїе.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы;
а сицен рати не слышано:

съ заранія до вѣчера,
съ вѣчера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя;
грімлютъ сабли о шеломя;
трещатъ копія харалужныя,
въ полѣ незнаемѣ среди земли половецкын.
Чръна земля подѣ копыты костью была посяяна,
а крѣвю поляна;
түгою взыдоша по рүской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить
далече рано предѣ зорями?
Игорь плѣкы заворочаетъ
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишяся день,
бишяся другый,
третьяго дни къ полуднїю падоша стязи Игоревы.
Тү ся брата разлүчиста на брезѣ быстрой Каялы.
Тү кроваваго вина недоста;
тү пирѣ докончаша храбрїи Рүсичи:
сваты попонша, а сами полегоша
за землю рүскюю.
Ничить трава жалошамн,
а древо стүгою къ земли преклонилось.

Үже бо, братіе, не веселая година вѣстала,
үже пүстыни силу прикрыла.
Вѣстала обнда въ силахъ Даждьбожа внүка,
встүпилъ дѣвою на землю Трояню,
вѣсплескала лебедными крылы
на синѣмъ море ү Донү
плещүчи, үбүди жирня времена.
Үсобица княземъ на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ братү:
се мое, а то мое же.
И начяша князи про малое,

се великое мѣвнѣти,
а сами на себѣ крамоу ковати.
А поганѣи съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами
на землю рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бя къ морю
а Игорева храбраго плѣкы не крѣсити.
За нидѣ кликну Карна и Жля
поскочи по русской земли,
смагу мычюти въ пламянѣ розѣ.
Жены рускія въсплакашася аркыти:
уже намъ своихъ милыхъ ладѣ
ни мыслию слыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо братѣ Кіевъ тѣгоу
а Черниговъ напастыни
тоска разліяся по русской земли
печаль жрна тече средѣ земли рускій
а князи сами на себе крамоу коваху
а поганѣи сами побѣдали нарищюще на рускую землю
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣи бо два храбрая Святъславича
Игорь и Всеволодѣ
уже лжѣ убуди которою
то баше успилъ отецъ ихъ
Святъславъ грозный Великій Кіевскій
грозоу башеть притрепеталъ своимъ сильнымъ плѣкы
и харалужнымъ мечи
наступн на землю половецкую
притопта хлѣми и яругы
взмѣти рѣки и озера
иссуши потоки и болота.
А поганаго Кобыка изъ лѣкы моря

отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ
яко вихрь выторже:
и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ
въ гридницѣ Святъславли.
Тү Нѣмци и Венедици,
тү Греци и Морава,
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкїя,
рускаго злата насыпаша.
Тү Игорьъ князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло Кошіево,
үныша бо градомъ забралы,
а веселїе пониче.
А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ
въ Кіевѣ на горахъ
си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече,
чръною паполомою,
на кровати тисовѣ.
Чръпахуть ми синее вино
съ трудомъ смѣшено,
сыпахутьми тѣщими тѣлы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгъ на лоно
и нѣгуютъ мя.
Үже дьскы безъ кнѣса
влоемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю ночь съ вечера
босүви врани възгряхү ү Плѣсньска,
на болони бѣша дєбрь Кияня,
и не сошлю къ снємү мору.
И ркоша бояре князю:
үже княже туга үмъ полонила
се бо два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата
поскати града Тымүтороканя,
а любо испити шєломомъ Донү.
Үже соколома крильца припѣшали

поганыхъ сабями,
а самую опустоша
въ пѹтины желѣзны.

Темно бо бѣ въ ѿ день:
два солнца помѣркости,
оба багряная стѣпа погасоста,
и съ нимъ молодая мѣсяца,
Олегъ и Святъславъ
тъмюю ся поволокоста.

На рѣцѣ на Каялѣ тъма свѣтъ покрыла:
по рѹсской земли прострошася Половци,
аки пардѹже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста,
и великое бѹйство подасть хиновн.

Үже снесеса хѹла на хвалѹ,
Үже треснѹ нѹжда на волю,
Үже врѣжеса дивъ на землю.
Се бо готскія красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синемѹ морю.

Звоня рѹскимъ златомъ,
поютъ время Бѹсоко,
лелѣютъ мечь Шароканю.
А мы Үже дружина жадни веселія.
Тогда великій Святславъ
изрони злато слово слезами смѣшено,
и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде!
рано еста начала половецкѹю землю
мечи цвѣлнти,
а себѣ славы искати.

Нѣ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганѹю проліясте.

Баю храбрая сердца
въ жестоцелъ харалѹзѣ скована
а въ бѹести закалена.

Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?
А Үже не виждѹ власти

сильнаго и богатаго и многокон
брата моего Ярослава
съ черниговскими былями,
съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры,
и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.
Тїи бо бес щитовъ съ засапожники
клнкомъ плъкы побѣждають,
звонячи въ прадѣдную славу.
Нъ рекосте мужа имѣся сами,
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю ся сами подѣлимъ.
А чи диво ся братіе стару помолодити?
Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ,
высоко птиць възбиваетъ,
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.
Нъ се зло княже ми не пособїе;
наниче ся годины обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сынѹ Глѣбовѹ.

Беликий княже Всеволоде!
не мыслию ти прелетѣти издалеча,
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шелома выльяти.
Аже бы ты былъ,
то была бы Чага по ногатѣ,
а Кощей по резанѣ.
Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стрѣляти,
удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде,
не ваю ли златеными шелома
по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина

рыкають акы тўри,
ранены саблями калеными
на полѣ незнаемѣ?
Вступита господина въ злата стремя
за обиду сего времени,
за землю русскую,
за раны Игоревы,
всего Святславича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ
высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ
подперъ горы угорскыи
своими желѣзными плъки,
заступивъ Королеви пѣть,
затвори въ Дѣнаю ворота,
мѣта бремены чрезъ облаки,
суды рядя до Дѣная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
оттворяеши Кіеву врата,
стрѣлявши съ отня злата стола
салтани за землями.
Стрѣлай господине Кончака
поганаго Кощея,
за землю рускую,
за раны Игоревы,
всего Святславича!

А ты бѣй Романѣ и Мстиславѣ!
храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ вѣсти,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяся,
хотя птицю въ бѣствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи папорзи
подъ шеломи латинскими.
Тѣми тресну земля,
и многи страны

Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сѹлици своя поврѣгоща,
а главы своя поклониша
подѣ тыи мечи харалѹжныи.

Нѣ ѹже княже Игорю,
ѹтрпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ листвїе срони
по Рсїи, по Сѹли гради подѣлиша
а Игорева храбраго плѣкѹ не крѣсити.
Донѣ ти княже кличеть
и зоветъ князи на побѣдѹ.
Олговичи храбрыи князи dospѣли на брань.

Инѣгварь и Всеволодѣ,
и вси три Мстиславичи,
не хѹда гнѣзда шестокрилицы,
неповѣдныи жребїи
собѣ власти расхытитесте!
Кое ваши златыи шеломы
и сѹлицы Ляцкїи и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю рѹсскѹю,
за раны Игоревы,
всего Святѣславича.

ѹже бо Сѹла не течеть сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течеть
оныи грозныи Полочаномъ
подѣ кланкомъ поганыхъ.
Єдинѣ же Изяславѣ сынѣ Васильковѣ
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовскїя;
притрепа славѹ дѣдѹ своему Всеславѹ,
а самѣ подѣ чрѣлеными щиты

на кроваве травѣ
притрепанѣ литовскыи мечи.
И схотию на кровать и рекъ:
дружинѣ твою, княже,
птиць крилы прїодѣ,
а звѣри кровь полнзаша.
Не бысь тѣ брата Брячяслава,
ни другаго Всеволода;
единъ же изрони жемчюжнѣ дѣшѣ
изъ храбра тѣла,
чресъ злато ожерелїе.
Үнылы голоси, пониче веселїе,
трѣбы трѣбятъ городеньскїи.

Ярославе, и вси внѣще Всеслави
уже понизить стязи свои,
вонзить свои мечи верезени;
уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Бы бо своии крамолами
начясте наводити поганыя
на землю рускѣю, на жизнь Всеславию.
Которое бо бѣше наслїе
отъ земли половецкыи!

На седьмомѣ вѣцѣ Трояни
врѣже Всеславъ жребїи
о дѣвицю себѣ любѣ.
Тѣи клюками подпрѣся о кони,
и скочи къ граду Києву,
и дотчєся стрѣжїемъ
злата стола кїевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ плѣночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мьглѣ, үтрѣже возни
с три кѣсы отвори врата Новѣграду,
разшибе славѣ Ярославѣ,
скочи вѣлкомъ до Немиги съ Дѣдѣтокѣ.

На Немизѣ снопы стелютьъ головами,
молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣють дѹшѹ отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхутъ посѣяни,
посѣяни костьюи рѹсскихъ сыновѣ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
князьмъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше;
изъ Києва дорискаше до Куръ Тмѹтороканя;
великомѹ хрѣсови влѣкомъ пѹть прерыскаше.
Томѹ въ Полотскѣ позвониша заѹтреннюю рано
ѹ святыя Софен въ колоколы,
а онъ въ Києвѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща дѹша въ друзѣ тѣлѣ,
нѣ часто бѣды страдаше.
Томѹ вѣщей Боянъ
и прѣвое припѣвкѹ смысленый рече:
ни хытрѹ, ни гораздѹ,
ни птицю гораздѹ,
сѹда Божїя не минути.

О, стонати рѹсской земли,
помянѹвше прѣвѹю годинѹ
и прѣвыхъ князей.
Того стараго Владимїра
не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кїевскимъ:
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзїи Давидовы,
нѣ розно ся имъ хоботы пашютьъ,
копїя поютьъ.

На Дѹнаи Ярославнынъ гласъ слышитъ,
зегзицею незнаема, рано кычетъ:

полетю, рече, зегзицею по Дүнаєви;
омочю бєбрянѣ рүкавѣ въ Каялѣ рѣцѣ,
үтрү князю кровавья его раны
на жестоцѣмѣ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачєть
въ Пүтивлѣ на забралѣ, аркүти:
о вѣтрѣ, вѣтрило!
чємү господинє насильно вѣши?
Чємү мычєши хиновьскыя стрѣлки
на своєю не трүдную крилцю
на моєя лады вон?
Мало ли ти бяшєть горѣ подѣ облакы вѣяти,
лєлѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чємү господинє моє весєліє
по ковылію развѣя?

Ярославна рано плачєть
Пүтивлю городү на заборолѣ, аркүти:
о Днєпрє вловүтицю!
ты пробилѣ еси каменныя горы
сквозѣ зємлю половецкүю.
Ты лєлѣялѣ еси на сєбѣ Святославли носады
до плѣкү Кобыкова:
вѣзлєлѣй господинє мою ладү кѣ мнѣ,
а быхѣтє неслала кѣ нємү слєзѣ
на морє рано.

Ярославна рано плачєть
кѣ Пүтивлѣ на забралѣ, аркүти:
свѣтлое и трєсвѣтлое слѣнце,
всѣмѣ тепло и красно еси!
чємү господинє прострє горячюю своєю лүчю
на ладѣ вон?
въ полѣ безводнѣ жаждєю имѣ лүчи сѣпряжє,
түгою имѣ түли затчє.

Прыснү морє полүнощи,
идутъ сморци мьглами,
Игореви князю богъ пүть кажетъ
изъ земли половецкой на землю рүскүю,
къ отню златү столү.

Погасоша вечерү зарн:
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслїю поля мѣритъ
отъ великаго Донү до малаго Донца.
Комонь вѣ полүночи, Облүръ свиснү за рѣкою;
велитъ князю разумѣти
князю Игорю не быти.
кликнү,
стүкнү земля,
вѣшүмѣ трава.
вежи ся половецкїи подвизашася,
а Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростїю
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
Бѣврѣжеса на брѣзъ комонь,
и скочи съ него босымъ влѣкомъ,
и потече къ лүгү Донца,
и полетѣ соколомъ подѣ мьглами
избивая гүси и лебеди,
завтрокү и обѣдү и үжинѣ.

Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Блүръ влѣкомъ потече,
трүся собою студенүю росү;
претрѣгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече:
Княже Игорю!
не мало ти величїя,
а Кончакү нелюбїя,

а рѹскоѹ землѣи веселїа.
Игорь рече, о Донче!
Не мало ти величїя,
лелѣявшѹ князя на влѣнахъ,
стлавшѹ емѹ зелѣнѹ травѹ
на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣбавшѹ его теплыми мѣглами
подъ сѣнію зеленѹ древу;
стрѣжаше є гоголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрънядыми на ветрѣхъ.
Не тако ли, рече, рѣка Стѹгна
хѹдѹ струю имѣя,
пожрѣши чѹжи рѹчи и стругы
ростре на кѹстью
ѹношѹ князю Ростиславѹ затвори.
Днѣпръ темнѣ березѣ
плачется мати Ростислава
по ѹноши князи Ростиславѣ.
ѹныша цвѣты жалобою,
и древо с тѹгою къ земли прѣклонило,
а не сорокы втроскоташа
на слѣдѹ Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахѹтъ,
галици помлѣкоша,
сорокы не троскоташа,
полозїю ползоша только
дятлове тектомъ пѹть къ рѣцѣ кажѹтъ
соловїи веселыми пѣсьми
свѣтъ повѣдають.

Млѣвитъ Гзакъ Кончакови:
аже соколъ къ гнѣздѹ летитъ,
соколича рострѣляевѣ
своими златеными стрѣлами.
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
аже соколъ къ гнѣздѹ летитъ,

а вѣ соколца опутаевѣ
красною дѣвицею.

И рече Гзакъ къ Кончакови:
аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птици бити
въ полѣ половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на
Святъславля пѣстворца
старога времени Ярославля
Ольгова коганя хоти:
тяжко ти головы, кромѣ плечю,
зло ти тѣлу, кромѣ головы,
руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитъ на небесѣ
Игорь князь въ русской земли
дѣвици поютъ на Дунаи
вьются голоса чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели,
пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:
слава Игорю Святъславличю.
буй тѣру Всеволоду,
Владиміру Игоревичу.

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плѣки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

